

УДК 1(091):165.12:111.852:17

КАНТОВСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МЫШЛЕНИЯ:
СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИПИнтервью с профессором
Юргеном ШтольценбергомА. С. Зильбер¹

В интервью с профессором Юргеном Штольценбергом, членом правления немецкого Кантовского общества и со-редактором «Kant-Lexikon» (2015), затрагивается широкий круг тем, связанных с творчеством разных философов – от Г. В. Лейбница и Х. Вольфа до М. Хайдеггера и Э. Гуссерля. Ведущей идеей философских исследований Ю. Штольценберга является обоснование принципа современной субъективности в кантовской философии и его трансформаций вплоть до наших дней. Обсуждается смысл и развитие концепта самосознания и понимание субъективности в этике И. Канта и философии И.-Г. Фихте. Ю. Штольценберг раскрывает значение философских отношений Хайдеггера с Кантом, Фихте и неокантианцами. Он очерчивает основания, объясняющие различные структуры философских теорий после Канта в сравнении со структурой самой кантовской философии. Отвечая на вопрос о роли Канта в утверждении ценности человеческого достоинства, Ю. Штольценберг подчеркивает надэмпирическую суть этого концепта, как он представлен в философской этике Канта и каким его надлежит отстаивать в полемике с новейшими критиками. Согласно Ю. Штольценбергу, принцип современной субъективности оказывается плодотворным и в понимании развития истории музыки Нового времени.

Ключевые слова: Кант, Фихте, неокантианство, Хайдеггер, Вольф, самосознание, субъективность, самость, достоинство человека, философия музыки.

А. Зильбер: Профессор Штольценберг, начиная с юбилейного для Канта 2004 г. вы много раз бывали в Калининграде и стали постоянным участником калининградских кантовских конференций, приуроченных ко дню рождения философа. В апреле 2017 г. на торжественном заседании в Кафедральном соборе в день рождения Канта вы открыли «Кантовский лекторий» Академии Кантианы докладом о мировом понятии философии у Канта. В августе 2017 г. вы провели Первую международную летнюю школу Академии

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию 14.07.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2018-3-4
© Зильбер А. С., 2018

KANTS DENKRAUM:
SUBJEKTIVITÄT ALS PRINZIP

Interview mit Prof. Dr. Jürgen Stolzenberg

A. S. Zilber¹

This interview with Professor Dr Jürgen Stolzenberg, board member of the Kant-Gesellschaft and co-editor of the Kant-Lexikon (2015), explores a wide range of topics – from Leibniz and Wolff to Heidegger and Husserl. The leading idea of Stolzenberg's philosophical research is the justification of the principle of modern subjectivity in Kant's philosophy and its transformations until our days. He discusses the meaning and development of the concept of self-consciousness and the understanding of subjectivity in Kant's ethics as well as in Fichte's philosophy. Stolzenberg shows the significance of Heidegger's philosophical relations with Kant, Fichte, and the Neo-Kantians. He outlines the reasons which explain the different structures of the philosophical theories after Kant in comparison with the structure of Kant's philosophy itself. Answering the question of Kant's role in affirming the value of human dignity, he emphasises the non-empirical essence of this concept as it is presented in Kant's ethics and as it should be defended against recent critics. According to Stolzenberg, the principle of modern subjectivity proves to be fruitful in understanding the development of the history of modern music, too.

Keywords: Kant, Fichte, Neo-Kantianism, Heidegger, Wolff, self-consciousness, selfhood, subjectivity, human dignity, philosophy of music.

Zilber: Herr Prof. Stolzenberg, seit dem Kant-Jahr 2004 waren Sie oft in Kaliningrad. Sie sind langjähriger Teilnehmer der Kant-Tagungen in Kaliningrad, die an Kants Geburtstag stattfinden. Im Rahmen der Festveranstaltung zu Kants Geburtstag im April 2017 haben Sie im Dom die Kant-Lectures der Academia Kantiana mit einem Vortrag zu Kants Weltbegriff der Philosophie eröffnet. Im August 2017 haben Sie die erste Internationale Sommerschule der Academia Kantiana zum Thema „Was soll ich tun? Kants Ethik und ihre Aktualität“ in Swetlogorsk durchgeführt. Welche Eindrücke hatten Sie damals und heute, und welche Bedeutung hat für Sie Kant und die Kant-Forschung in Kaliningrad?

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041 Russia.
Received 14.07.2018.
doi: 10.5922/0207-6918-2018-3-4
© Zilber A. S., 2018.

Кантианы в Светлогорске на тему «“Что я должен делать?” Этика Канта и ее актуальность». Какие впечатления у вас остались тогда и сейчас? Какое значение для вас имеют Кант и исследования Канта в Калининграде?

Ю. Штольценберг: Нет города, в котором бы философу воздавалась такая честь, как это имеет место в Калининграде. Публичные торжественные мероприятия в день рождения Канта в Соборе и возложение цветов на его могилу — это впечатляющий жест памяти и почитания Иммануила Канта как философа и человека.

В кантовских конференциях в Калининграде регулярно участвовали ведущие кантоведы со всего мира, и сотрудничество с российскими коллегами было превосходным. Научные контакты продолжались и за рамками конференций, в особенности с профессором Владимиром Брюшинкиным (1953—2012). А учреждение *Академии Кантианы* в 2017 г. и связанные с этим инициативы, равно как и обновление формата журнала «Кантовский сборник», богатого своими традициями, стали важным шагом к активизации кантоведения в Балтийском федеральном университете Калининграда. Среди этих новых инициатив — Летняя школа по философии Канта, которая в нынешнем году прошла в Светлогорске во второй раз, и ее научным руководителем был мой коллега Хайнер Клемме. Оба раза Школа получила очень позитивный международный резонанс. Обобщить мои впечатления могу так: я уверен, что у Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта есть потенциал для того, чтобы стать центром кантоведения в России.

А. Зильбер: Как проявляется и в чем состоит, на ваш взгляд, актуальность Канта?

Ю. Штольценберг: Юбилейный 2004 год показал с особой убедительностью, что Кант стал философом, чьи идеи нашли отклик во всем мире. В связи с 200-летием со дня смерти Канта 12 февраля 2004 г. во всем мире прошли памятные мероприятия и конференции. Появились новые биографии Канта. Философские журналы издали особые выпуски, посвященные его философии. В это же время международная конференция прошла в Калининградском университете, а к 280-летию со дня рождения Канта 22 апреля в Калининграде состоялся большой международный конгресс. Кантовские конгрессы прошли тогда в Москве, в Китае, Индии, Австралии, США и Латинской Америке. Всё это дает основание сказать, что Канта во всем мире воспринимают как интеллектуальную инстанцию, которая помогает сориентироваться в основополагающих вопросах человеческой жизни.

В этой связи всегда ссылались и продолжают ссылаться на трактат Канта «К вечному миру». В нем Кант представил модель всемирно-гражданского со-

Stolzenberg: Es gibt keine Stadt, in der ein Philosoph in der Weise verehrt wird, wie es in Kaliningrad der Fall ist. Die öffentlichen Gedenkveranstaltungen zu Kants Geburtstag im Dom und die Niederlegung von Blumen am Grab Kants sind eine beeindruckende Geste des Gedenkens und der Verehrung für den Philosophen und Menschen Immanuel Kant.

An den Kant-Tagungen in Kaliningrad haben stets international führende Kant-Forscherinnen und Forscher teilgenommen, und die Kooperation mit den russischen Kolleginnen und Kollegen war ausgezeichnet. Der wissenschaftliche Kontakt ist über diesen Anlass hinaus fortgeführt worden, insbesondere mit dem Kollegen Vladimir Bryushinkin (1953—2012). Mit der Gründung der *Academia Kantiana* im Jahre 2017 und den damit verbundenen Initiativen sowie der Neugestaltung der traditionsreichen Kant-Zeitschrift „Kantovsky Sbornik“ ist ein wichtiger Schritt zur Intensivierung der Kant-Forschung an der Baltischen Föderalen Universität Kaliningrad getan. Die Sommerschule zur Philosophie Kants, die in diesem Jahr zum zweiten Mal in Swetlogorsk unter der wissenschaftlichen Leitung von meinem Kollegen Heiner Klemme stattgefunden hat, ist Teil der neuen Initiativen. Sie hat in beiden Jahren ein sehr erfreuliches internationales Echo erfahren. Meinen Eindruck kann ich so zusammenfassen: Ich glaube, dass die Baltische Föderale Immanuel-Kant-Universität das Zeug hat, zum Zentrum der Kant-Forschung in Russland zu werden.

Zilber: Woran zeigt sich und worin besteht Ihrer Meinung nach Kants Aktualität?

Stolzenberg: Im Kant-Jahr 2004 hat sich mit besonderer Eindringlichkeit gezeigt, dass Kant zu einem Philosophen mit weltweiter Resonanz geworden ist. Aus Anlass des 200. Todestages am 12. Februar 2004 fanden in der ganzen Welt Gedenkveranstaltungen und Kongresse statt. Neue Kant-Biographien erschienen. Philosophische Fachzeitschriften haben Sondernummern zur Philosophie Immanuel Kants aufgelegt. Zur selben Zeit fand an der Universität Kaliningrad eine internationale Kant-Tagung statt. Zu Kants 280. Geburtstag am 22. April gab es noch einmal einen großen internationalen Kongress in Kaliningrad. In Moskau sowie in China, Indien, Australien, den USA und Lateinamerika wurden Kant-Tagungen veranstaltet. Insofern darf man wohl sagen, dass Kant weltweit als eine intellektuelle Instanz wahrgenommen wird, von der man Orientierung in grundlegenden Fragen des menschlichen Lebens erwartet.

In diesem Zusammenhang wurde und wird immer wieder auf Kants Schrift *Zum ewigen Frieden* hingewiesen. Hier hat Kant das Modell einer weltbürgerlichen Gesellschaft autonomer Staaten entworfen. Kants Ar-

общества автономных государств. Аргументы Канта в пользу идеи, которую он развивает в знаменитой «Второй окончательной статье», что международное право «должно быть основано на *федерализме* свободных государств» (Кант, 1994, с. 385), организованном согласно модели постоянно заседающего конгресса государств, действия органов которого направлены на то, чтобы государствам «разрешать споры между собой цивилизованным образом, как бы судопроизводством, а не варварским (дикарским) способом, и именно не войной» (Кант, 2014, с. 417), — эти аргументы, на мой взгляд, до сих пор не имеют альтернативы и особенно актуальны для современной ситуации в мировой политике.

А. Зильбер: Одна из центральных тем этической теории Канта — достоинство человека. Охрана достоинства человека провозглашается в качестве важнейшей ценности почти во всех конституциях. С вашей точки зрения, это тоже связано с философией Канта?

Ю. Штольценберг: Кант — первый, кто обосновал достоинство человека его разумной природой без отсылки к теологическим или иным метафизическим предпосылкам. И это легло в основу всех современных конституций, в которых достоинство человека объявляется неприкосновенным. С учетом этого можно сказать, что Кант стал философом мира особенно в этом отношении. Основополагающая идея Канта, как известно, состоит в том, что никого нельзя использовать только как средство для реализации прямо или косвенно эгоистических намерений другого. По Канту, это означает, что каждого человека следует уважать и обращаться с ним как с целью самой по себе. И именно в этом состоит безусловная внутренняя ценность, или достоинство человека.

Поэтому достоинство человека находится под угрозой везде, где его свободное самоопределение затруднено или невозможно. Это имеет место при всех формах эксплуатации человеческого труда, не говоря уже о таких отвратительных действиях, как торговля людьми и рабство. Другие примеры в этой связи: принудительный труд, принудительная стерилизация, пытки, массовые убийства, этническая дискриминация, неоказание помощи в чрезвычайных ситуациях. Можно привести и такие примеры из области медицинской этики, как эвтаназия или проблема свободного решения о собственной смерти перед лицом невыносимых и несмягчаемых страданий. Миссия философии в том, чтобы откликаться на такие проблемы, указывать и осуждать случаи неуважения и попрания человеческого достоинства. Здесь, как и во всех других сферах, следует подчеркнуть: речь не идет о том, чтобы неуклонно придерживаться некой застывшей кантовской догматики. Скорее о том, чтобы привлечь

гументы для идеи, которую он развивает в знаменитой «Второй окончательной статье» (Kant, 1994, p. 385), organized according to the model of a permanent congress of states, the actions of which are directed towards resolving disputes between states in a civilized manner, as if by a judicial process, and not in a barbaric (savage) manner, and especially in a way that is particularly relevant for the current situation in world politics.

Zilber: One of the central themes of Kant's ethical theory is the dignity of the human being. The protection of the dignity of the human being is proclaimed as the most important value in almost all constitutions. In your opinion, is this also related to Kant's philosophy?

Stolzenberg: Kant is the first who justified the dignity of the human being by his rational nature and not by a recourse to theological or other metaphysical assumptions. This is the basis of all modern constitutions, in which the dignity of the human being is declared inviolable. In this regard, it can be said that Kant became a philosopher of world peace especially in this respect. The basic idea of Kant, as is well known, consists in the fact that no one may be used merely as a means to the realization of direct or indirect egoistic intentions of another. According to Kant, this means that every human being should be respected and treated as an end in itself. It is precisely in this that lies the unconditional inner value, or the dignity of the human being.

Therefore, the dignity of the human being is under threat everywhere where its free self-determination is hindered or made impossible. This is the case in all forms of exploitation of human labor, not to mention such repulsive actions as human trafficking and slavery. Other examples in this regard: forced labor, forced sterilization, torture, mass killings, ethnic discrimination, failure to provide assistance in emergency situations. One can also cite such examples from the field of medical ethics, such as euthanasia or the problem of free decision on one's own death in the face of unbearable and unmitigable suffering. The mission of philosophy is to respond to such problems, to point out and condemn cases of disrespect and violation of human dignity. Here, as in all other areas, it should be emphasized: it is not about rigidly adhering to a frozen Kantian dogma. Rather, it is about attracting

Канта как партнера в непредвзятом и рациональном дискурсе, который должен быть открыт для модификаций, дополнений и критических оговорок.

Актуальность Канта проявляется также и в новейших дискуссиях, где раздаются призывы отказаться от понятия достоинства человека. Часто повторяемый аргумент состоит в том, что это понятие представляет собой давно устаревший остаток метафизики, имевшей в конечном счете теологические истоки. Другой аргумент ссылается на смуты и катастрофы истории, в ходе которых понятие человеческого достоинства было дезавуировано. И наконец, существует критическая в отношении Канта отсылка к другому, эмпирически обоснованному понятию достоинства, которое подразумевает случайное свойство человека, как, например, достоинство, связанное со вступлением в должность. Здесь назрела необходимость дискуссии. Скажу по этому поводу следующее.

Во-первых, ясно, что этическая теория Канта не содержит теологически инспирированных суждений; скорее это, как я уже сказал, первая теория, в которой развито чисто рационально-теоретическое обоснование понятия человеческого достоинства. Во-вторых, следует напомнить, что ход истории нельзя использовать в качестве опровержения нормативно-априористской теории, каковой является кантовский концепт моральной автономии и, соответственно, достоинства человека. Наконец, легко заметить, что под эмпирически случайным понятием достоинства подразумевается совершенно иной феномен, который не поддается сравнению с кантовским понятием достоинства и поэтому не может быть использован для его критики.

А. Зильбер: Как вы впервые познакомились с философией Канта?

Ю. Штольценберг: Философия Канта сопровождает меня начиная с учебы в университете уже без малого пять десятилетий, так что я на ней воспитан. В особенности во время моей учебы в Гейдельберге, который тогда был центром философии в Германии, я усвоил не только эпохальное значение идей Канта, но и в плане конкретной работы с его философией — важность тщательного, терпеливого и близкого к тексту анализа понятий и аргументов.

В Гейдельберге я, кроме того, усвоил то, о чем здесь уже упомянул: недогматичное отношение к философии Канта. Она рано стала для меня тем интеллектуальным пространством, в котором я с тех пор пребываю и в котором при этом свободно двигаюсь во многих направлениях, обращаясь к проблемам систематической философии, в особенности к вопросам теории субъективности. Одно из этих направлений — посткантовская классическая немецкая философия. Другой проект, который позже привел меня к защите

Die Aktualität Kants ergibt sich aber auch aus neueren Diskussionen. Hier werden Stimmen laut, die empfehlen, auf den Begriff der Würde des Menschen zu verzichten. Ein oft wiederholtes Argument ist, dass es sich um einen längst obsolet gewordenen Rest einer letztlich theologisch inspirierten Metaphysik handle. Ein anderes Argument beruft sich auf die Wirren und Katastrophen der Geschichte, in deren Verlauf sich der Begriff der Würde des Menschen desavouiert habe. Und schließlich findet man den Kant-kritisch gemeinten Rekurs auf einen anderen, empirisch begründeten Begriff der Würde, der eine kontingente Eigenschaft eines Menschen meint wie etwa die Würde, die mit der Übernahme eines Amtes verbunden ist. Hier besteht Diskussionsbedarf. Dazu ist das Folgende zu sagen.

Erstens ist klar, dass Kants ethische Theorie keine theologisch inspirierte Überlegungen enthält; sie ist, wie ich eben bereits gesagt habe, vielmehr die erste Theorie, die eine rein vernunfttheoretische Begründung des Begriffs der Würde des Menschen entwickelt hat; zweitens ist darauf hinzuweisen, dass der Gang der Geschichte nicht gegen die Gültigkeit einer normativ-apriorischen Theorie ins Feld geführt werden kann, wie es Kants Konzept der moralischen Autonomie bzw. der Würde des Menschen ist; und schließlich ist leicht zu sehen, dass mit dem empirisch-kontingenten Würdebegriff ein ganz anderes Phänomen gemeint ist, das mit dem Kantischen Würdebegriff nicht zu vergleichen ist und daher auch nicht als Kritik gegen ihn vorgebracht werden kann.

Zilber: Wie sind Sie mit Kants Philosophie zuerst bekannt geworden?

Stolzenberg: Kants Philosophie begleitet mich seit meinem Studium vor nunmehr bald fünf Jahrzehnten, und dementsprechend hat mich seine Philosophie geprägt. Dabei habe ich insbesondere in meiner Zeit in Heidelberg, das damals das Zentrum der Philosophie in Deutschland war, nicht nur die säkulare Bedeutung Kants begriffen, sondern, was die konkrete Arbeit mit seiner Philosophie betrifft, auch die Bedeutung einer sorgfältigen, geduldigen und textnahen Begriffs- und Argumentanalyse schätzen gelernt.

Ich habe in meiner Heidelberger Zeit aber auch das gelernt, was ich eben angedeutet habe: Es ist eine undogmatische Haltung gegenüber der Philosophie Kants. Kants Philosophie ist für mich recht früh zu einem Denkraum geworden, in dem ich mich seitdem aufhalte, in dem ich mich aber in vielen Richtungen frei mit der Verfolgung systematischer Fragestellungen, insbesondere zu Fragen der Theorie der Subjektivität, bewege. Eine dieser Richtungen ist die nachkantische klassische deutsche Philosophie. Ein anderes Projekt, mit dem ich mich dann in Göttingen habili-

докторской работы (габилитации) в Гёттингене, был посвящен обоснованию систематической философии в марбургском неокантианстве. В центре моего исследования находились не известные ранее письма и документы из архива Пауля Наторпа и ранний Мартин Хайдеггер. Тогда были только что опубликованы неизвестные до той поры ранние лекции Хайдеггера, которыми он произвел фурор сразу после окончания Первой мировой войны и в которых он на фоне своей герменевтики здесь-бытия, вдохновленной прежде всего Гуссерлем, Дильтеем, Кьеркегором и Августином, критически противопоставляет себя неокантианству (Heidegger, 1985–1995). В последние годы благодаря поддержке в форме годовой стипендии от фонда Карла Фридриха фон Сименса в Мюнхене мой главный интерес переместился к вопросам музыкальной эстетики и философии музыки. Таков спектр тем и интересов, к которым я пришел под влиянием Канта и которыми продолжаю заниматься.

А. Зильбер: Какие темы философии Канта наиболее значимы для вас лично?

Ю. Штольценберг: По большей части я уже дал ответ на ваш вопрос, когда говорил об актуальности Канта. Но хотел бы его еще немного уточнить. Для этого придется сказать несколько слов об изначальных мотивах, побудивших меня к изучению философии.

Прежде всего это опыт знакомства с литературой модернизма, в особенности с романами и рассказами Франца Кафки и европейской литературой рубежа XIX–XX столетий. В этих произведениях разными способами заострялась обозначенная уже в европейском романтизме проблематика автономии и идентичности Я в его отношении к новому незнакомому миру модерна с его экономическими, социальными, политическими и мировоззренческими проблемами. Литературоведение оказалось не в состоянии в достаточной степени прояснить мне значение таких ключевых понятий, как сознание, самосознание, Я и его отношение к государству и обществу. Поэтому было очевидно, что нужно обратиться к философии, а именно к классическим вариантам теорий субъективности, от которых упомянутые литературные проблематизации держались, мягко выражаясь, на дистанции. А это прежде всего кантовские теории теоретического и практического самосознания и проекты теории субъективности послекантовской классической немецкой философии, которые одновременно образуют основы теорий права и политики.

Чем больше я знакомился с философией Канта, а потом и с послекантовской философией, тем яснее мне становилось, что с их помощью возможно найти нормативное основание форм общественной жизни, а также личного жизненного проекта, которое способ-

тиert habe, war die Begründung systematischer Philosophie im Marburger Neukantianismus. Im Zentrum standen bisher unbekannte Briefe und Dokumente aus dem Nachlass Paul Natorps und der frühe Martin Heidegger. Heideggers bis dahin unbekannte frühe Vorlesungen, mit denen er unmittelbar nach dem Ende des Ersten Weltkriegs Furore gemacht hat und in denen er sich vor dem Hintergrund seiner vor allem von Husserl, Dilthey, Kierkegaard und Augustinus inspirierten Hermeneutik des Daseins kritisch mit dem Neukantianismus auseinandersetzt, waren damals soeben erschienen (Heidegger, 1985–1995). In den letzten Jahren ist, begünstigt durch ein einjähriges Fellowship der Carl Friedrich von Siemens Stiftung in München, ein verstärktes Interesse an Fragen der Musikästhetik und der Philosophie der Musik hinzugekommen. Das ist das Spektrum von Themen und Interessen, die ich im Ausgang von Kant verfolgt habe und verfolge.

Zilber: Was sind für Sie persönlich die wichtigsten Themen der Philosophie Kants?

Stolzenberg: Eine Antwort auf Ihre Frage habe ich zu einem großen Teil schon mit den Überlegungen zur Aktualität Kants gegeben. Ich will sie aber noch etwas präzisieren. Hierzu muss ich mit einigen Worten auf meine ursprüngliche Motivation zum Studium der Philosophie eingehen.

Es waren vor allem Erfahrungen mit der Literatur der Moderne, insbesondere den Romanen und Erzählungen Franz Kafkas und der europäischen Literatur der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert. Hier wurde auf vielfältige Weise die Problematik solcher Begriffe wie Autonomie und Identität eines Ich im Verhältnis zu der unvertraut gewordenen Welt der Moderne mit ihren ökonomischen, sozialen, politischen und weltanschaulichen Problemen virulent, die bereits in der europäischen Romantik angelegt war. Die Literaturwissenschaft vermochte mir keine hinreichende Klarheit über die Bedeutung solcher Schlüsselbegriffe wie Bewusstsein, Selbstbewusstsein, Ich und dessen Verhältnis zu Staat und Gesellschaft zu geben. So lag es nahe, sich an die Philosophie zu wenden, und zwar an die klassischen Ausprägungen von Theorien der Subjektivität, zu denen sich die genannten literarischen Problematisierungen in Distanz hielten, um es gemäßigt auszudrücken. Das aber sind vor allem Kants Theorien des theoretischen und praktischen Selbstbewusstseins und die subjektivitätstheoretischen Entwürfe der nachkantischen klassischen deutschen Philosophie, die auch die Grundlagen der Theorien des Rechts und der Politik sind.

Je mehr ich mit der Philosophie Kants und dann auch der Philosophie nach Kant vertraut wurde, umso deutlicher wurde mir, dass daraus eine normative Grundierung öffentlicher Lebensformen und auch ei-

но выдержать испытание историческими кризисами и неопределенностью собственного жизненного пути. Мне не казалось, что Я нельзя спасти, как утверждал Эрнст Мах в своем знаменитом высказывании. Открытие психоанализа и его аналитический взгляд в бессознательные глубины нашей психики также не казались мне опровержением значимости самосознания для нашей жизни. Всегда, когда мы признаем рациональные основания для своих суждений, за которые мы принимаем ответственность по отношению к самим себе и всем другим, находящимся в подобной ситуации, мы выступаем как самосознающие личности. С особой отчетливостью это видно в ситуациях морального конфликта. В них мы принимаем свои решения не только исходя из своей собственной субъективной точки зрения, но выверяем их по всеобщему стандарту. Способность к этому, по Канту, есть доказательство нашей свободы, которая таким образом является нам со всей ясностью. Поэтому я никогда не принимал всерьез тезис о «смерти субъекта» в его радикальной версии в так называемом постмодерне. В наше время уже нейронауки, пользуясь авторитетом методов естественнонаучного исследования, желают выдать современному субъекту свидетельство о смерти и тем самым заодно удостоверить конец всей философии. Однако новые течения в философии духа показывают, что на деле имеет место обратное. Субъектность, самосознание, точка зрения от первого лица — вот темы и проблемы, которые вошли в центр внимания. Классические теории субъектности могут и должны здесь предстать как равноправные собеседники.

В этой связи следует подчеркнуть один момент: самосознание — феномен обманчивый и поэтому философски интересный: оно непосредственно дано нам в нашей повседневной жизни, но его невозможно описать как какой-нибудь естественный объект. Причина в том, что самосознание осуществляется в спонтанном акте, который при этом включает в себя непосредственное и несомненное знание о реальности своего содержания. Это единично, и это не такое свойство, которое можно встретить среди объектов природы. Это, как известно, отметил уже Декарт, а Кант и Фихте в этом последовали за ним. Другая причина состоит в интенциональной структуре сознательной жизни. В философии после Гегеля об этом стали забывать. Только Гуссерль с большой заинтересованностью напомнил об этом и положил это в основу своей философии. Поэтому Гуссерль, а также всё в большей степени Кант и Фихте — те классические позиции, которым в современной философии духа всегда уделяется особое внимание там, где речь идет о Я, самосознании, свободе и других родственных темах.

nes personalen Lebensentwurfs gewonnen werden könnte, die sich gegenüber historischen Krisenerfahrungen und auch gegenüber Irritationen eines personalen Lebenswegs bewähren kann. Das Ich schien mir nicht, wie es Ernst Mach mit seinem berühmten Ausspruch behauptet hatte, unrettbar. Und auch die Entdeckung der Psychoanalyse und ihr analytischer Blick in die unbewussten Tiefen unserer Psyche schien mir kein Einwand gegen die Bedeutung von Selbstbewusstsein für unser Leben zu sein. Wo immer wir rationale Gründe für unsere Meinungen geltend machen, für die wir gegenüber uns selber und auch allen anderen in einer vergleichbaren Situation Verantwortung übernehmen, treten wir als selbstbewusste Personen auf. Das ist besonders deutlich in moralischen Konfliktsituationen der Fall. Hier treffen wir unsere Entscheidungen nicht nur aus unserem eigenen subjektiven Standpunkt heraus, sondern richten sie an allgemeinen Standards aus. Dies zu können, ist für Kant ein Beweis unserer Freiheit, über die wir uns auf diese Weise klar werden. Ich habe daher nie die These vom ‚Tod des Subjekts‘ in ihrer radikalen Version in der sog. Postmoderne ernst genommen. In der Gegenwart sind es die Neurowissenschaften, die dem neuzeitlichen Subjekt den Totenschein mit der Autorität naturwissenschaftlicher Forschungsmethoden ausstellen wollen und damit zugleich das Ende der Philosophie zu besiegeln suchen. Die neueren Entwicklungen in der Philosophie des Geistes zeigen jedoch, dass das Gegenteil der Fall ist. Subjektivität, Selbstbewusstsein, die Perspektive der ersten Person, das sind Themen und Probleme, die ins Zentrum der Aufmerksamkeit getreten sind. Die klassischen Theorien der Subjektivität können und müssen sich hier als Gesprächspartner auf Augenhöhe einbringen.

Ein Punkt, der in diesem Zusammenhang zu betonen ist, ist der folgende: Selbstbewusstsein ist ein irritierender und deshalb philosophisch interessanter Sachverhalt: Wir sind damit in unserem alltäglichen Leben unmittelbar vertraut, aber es lässt sich nicht wie ein natürlicher Gegenstand unter anderen beschreiben. Ein Grund ist darin zu sehen, dass Selbstbewusstsein in einem spontanen Akt zustande kommt, der zugleich ein unmittelbares und untrügliches Wissen von der Realität seines Gehalts einschließt. Das ist singular, und das ist keine Eigenschaft, die man unter Gegenständen der Natur antreffen kann. Das hatte bekanntlich schon Descartes betont, und Kant und Fichte sind ihm darin gefolgt. Ein anderer Grund besteht in der intentionalen Struktur bewussten Lebens. In der Philosophie nach Hegel ist das nicht mehr angemessen wahrgenommen worden. Erst Husserl hat darauf wieder mit Emphase hingewiesen und zur Grundlage seiner Philosophie gemacht. Husserl und in zunehmenden Maße Kant und

А. Зильбер: Вы написали диссертацию о понятии интеллектуального созерцания у Фихте (Stolzenberg, 1986). Кант, как известно, отвергал интеллектуальное созерцание. Как соотносится ваша диссертация с вашими исследованиями философии Канта?

Ю. Штольценберг: Сразу скажу главное: я с самого начала не мог понять всё еще разделяемый некоторыми «кантианцами» вердикт о том, что между Кантом и Фихте, а значит и всей послекантовской классической немецкой философией, лежит глубочайшая и непреодолимая пропасть; более того, что с Фихте утверждается дедукционное сумасшествие, не поддающееся рациональному контролю, спастись от которого можно только решительно обходя его стороной. Подобное же можно сказать о Шеллинге и Гегеле; а таких писателей и философов, как Фридрих Генрих Якоби, мол, и вовсе не следует воспринимать всерьез. Такие стратегии иммунизации основаны на чистом незнании.

Тему диссертации я нашел более или менее волей случая. Все еще отлично помню лекцию Дитера Хенриха, в которой он приводил цитаты из текста Фихте, который не был опубликован при его жизни. Этот текст тогда только что вышел в академическом издании и еще мало кому был известен; это был первый набросок системы Фихте в рукописи «Собственные размышления об элементарной философии» 1793–1794 гг. Хенрих цитировал слова Фихте не без некоторого пафоса: «Да, вот Я. — Можно ли здесь что-то сделать? Следуй за безусловностью Я» (Fichte, 1971, S. 48). Меня это воодушевило, захотелось проследить эту безусловность Я. Об этой рукописи, единственной в своем роде, я не могу, к сожалению, здесь рассказать подробно. Скажу только, что она является одним из важнейших текстов, документирующих возникновение послекантовской философии после Канта. Философствуя с пером в руке, Фихте написал ее, как внутренний монолог, в Цюрихе перед отъездом в Йену, после прочтения уничтожающей критики философии Карла Леонарда Рейнгольда, а также Канта гёттингенским философом Готлобом Эрнстом Шульце. О концепте интеллектуального созерцания, который, по сути, уже содержался в этой рукописи, и о его соотношении с философией Канта, можно сказать здесь только следующее.

Известно, что Фихте, вероятно, под влиянием вердикта Канта не использует выражение «интеллектуальное созерцание» в своем первом систематическом труде, «Основах общего наукоучения» 1794–1795 гг., но употребляет его в предшествующем труде — программной рецензии на уже упомянутое сочинение Шульца против Канта и Рейнгольда (Фихте, 2000). Вместе него в раннем наукоучении Фихте применяет понятие дела-действия (Tathandlung). В «Соб-

Фихте sind daher die klassischen Positionen, die in der gegenwärtigen Philosophie des Geistes überall dort, wo von Ich, Selbstbewusstsein, Freiheit und anderen verwandten Themen die Rede ist, verstärkt Beachtung finden.

Zilber: Sie haben Ihre Dissertation über Fichtes Begriff der intellektuellen Anschauung geschrieben (Stolzenberg, 1986). Kant hat eine intellektuelle Anschauung bekanntlich abgelehnt. Wie verhält sich Ihre Dissertation zu Ihrer Beschäftigung mit Kant?

Stolzenberg: Um das Wichtigste gleich vorweg zu sagen: Ich habe von Anfang an das immer noch im Umlauf befindliche Verdikt einiger ‚Kantianer‘ nicht verstehen können, dass es eine unheilvolle und unüberbrückbare Kluft zwischen Kant und Fichte und damit auch zur nachkantischen klassischen deutschen Philosophie gebe, mehr noch, dass mit Fichte ein rational nicht mehr kontrollierbarer Deduktionswahn einsetze, vor dem man sich nur durch konsequente Nichtbeachtung retten könne. Ähnliches gelte für Schelling und Hegel; und Literaten und Philosophen wie Friedrich Heinrich Jacobi seien schon gar nicht ernst zu nehmen. Solche Immunisierungsstrategien beruhen auf schierem Unkenntnis.

Das Dissertationsthema habe ich damals mehr oder weniger durch einen Zufall gefunden. Ich erinnere mich noch sehr gut an eine Vorlesung von Dieter Henrich, in der er aus einem Nachlasstext Fichtes zitierte, der soeben in der großen Akademie-Ausgabe erschienen und noch weitgehend unbekannt war; es war dies Fichtes erster Systementwurf im Manuskript *Eigne Meditationen über Elementarphilosophie* von 1793/94. Henrich zitierte nicht ohne ein gewisses Pathos Fichtes Worte: „Ja, das Ich. — ist etwa da was zu machen? Gehe der Unbedingtheit des Ich nach“ (Fichte, 1971, S. 48). Das elektrisierte mich, dieser Unbedingtheit des Ich wollte ich auf die Spur kommen. Auf den singulären Charakter dieses Manuskripts, das eines der bedeutendsten Dokumente in der Entstehung der Philosophie nach Kant ist und das Fichte, einem inneren Monolog vergleichbar, mit der Feder in der Hand philosophierend, in Zürich, nach der Lektüre der vernichtenden Kritik der Philosophie Karl Leonhard Reinholds und auch Kants durch den Göttinger Philosophen Gottlob Ernst Schulze, vor seiner Ankunft in Jena niedergeschrieben hat, kann ich hier nicht weiter eingehen. Nur so viel sei zu dem hier der Sache nach schon enthaltenen Konzept der intellektuellen Anschauung und ihrem Verhältnis zu Kant gesagt:

Es ist bekannt, dass Fichte den Ausdruck *intellektuelle Anschauung* in seiner ersten systematischen Schrift, der *Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre* von 1794/95, vermutlich im Blick auf Kants Verdikt nicht

ственных размышлениях» Фихте с той же целью вводит понятие силы представления. С помощью этих выражений Фихте пытается справиться с тем, что можно назвать перформативным характером Я-мысли. Подразумевается то, что я сейчас упомянул: осуществление мысли Я в силу своего значения порождает реальность своего содержания и относящееся к ней непосредственное знание. Поскольку созерцание направлено на отдельный объект, который, однако, в данном случае имеет не эмпирическое, но чисто духовное содержание, Фихте назвал тот способ, которым нам доступно содержание мысли Я, интеллектуальным созерцанием.

Кант в контексте своей критики паралогизмов рациональной психологии во втором издании «Критики чистого разума» обозначил похожую мысль. Он рассматривает там самосознание как «нечто реальное» и «как нечто действительно существующее»; вдобавок там встречается суждение о том, что Я «имеет чисто интеллектуальный характер», но существует не само по себе, а возникает на основании эмпирического представления (Кант, 2006, с. 537–539). Фихте был убежден в том же самом, и это часто не замечают. Таким образом, есть достаточное основание полагать, что Кант и Фихте были согласны в понимании изначального самосознания.

А. Зильбер: Как же тогда можно объяснить упомянутое вами предубеждение против Фихте?

Ю. Штольценберг: Очевидно, это связано с теорией субъективности, которую Фихте вывел из своего концепта «чистого Я». Ее новизна, которая объясняет ее отличие от понятия философии у Канта, равно как и то самое предубеждение, заключается в идее поставить теорию человеческого духа на такие рельсы, на которых когнитивные способности, которые мы применяем в наших теоретических и практических отношениях с миром, можно обосновать с помощью единого цикла аргументов. А именно, следующим образом: субъект, обладающий этими способностями, проявляет их из своей собственной перспективы, то есть из перспективы первого лица, и приписывает их себе как свои собственные, ему самому присущие функции. Так субъект посредством своих эпистемических функций сам становится автором и предметом теории. Это новаторская программа «истории самосознания», которую первым пытался осуществить Фихте и которую по-своему модифицировали Шеллинг в «Системе трансцендентального идеализма» (1800), а потом и Гегель в «Феноменологии духа» и, в конечном итоге, во всей своей системе философии. В этой программе, на мой взгляд, — ключ к пониманию классической немецкой философии и ее различных версий (Stolzenberg, 2009).

erwähnt, wohl aber in der ihr vorausgehenden programmatischen Rezension der eben genannten Kant- und Reinhold-kritischen Schrift Schulzes, der sog. Aenesidemus-Rezension. In der frühen Wissenschaftslehre verwendet Fichte stattdessen den Begriff der Tat-handlung. In den *Eigenen Meditationen* führt Fichte hierfür den Begriff der Darstellungskraft ein. Mit diesen Ausdrücken sucht Fichte dem, was man den performativen Charakter des Ich-Gedankens nennen kann, gerecht zu werden. Gemeint ist, was ich eben angedeutet habe, dass der Vollzug des Gedankens ‚Ich‘ kraft seiner Bedeutung die Realität seines Gehalts und ein diesbezügliches unmittelbares Wissen hervorbringt. Da eine Anschauung sich auf einen individuellen Gegenstand bezieht, der hier aber keinen empirischen, sondern einen rein geistigen Gehalt hat, nannte Fichte die Art und Weise, wie der Gehalt des Gedankens ‚Ich‘ zugänglich ist, eine intellektuelle Anschauung.

Im Kontext seiner Kritik der Paralogismen der rationalen Psychologie hat Kant in der B-Auflage der *Kritik der reinen Vernunft* einen ähnlichen Gedanken skizziert. Dort sieht Kant das Selbstbewusstsein als „etwas Reales“ an und als etwas, „was in der Tat existiert“, und dort findet sich auch die Aussage, dass das Ich „rein intellektuell“ sei, dass es aber nicht für sich besteht, sondern aus Anlass einer empirischen Vorstellung hervorgebracht werde (*KrV*, B 423). Das war auch Fichtes Überzeugung, was oft übersehen wird. So hat man guten Grund, von einer gewissen Übereinstimmung zwischen Kants und Fichtes Verständnis des ursprünglichen Selbstbewusstseins auszugehen.

Zilber: Wie lässt sich dann aber der von Ihnen zielierte Vorbehalt gegenüber Fichte verstehen?

Stolzenberg: Das hängt offenbar mit der Theorie der Subjektivität zusammen, die Fichte aus seinem Konzept eines ‚reinen Ich‘ abgeleitet hat. Das Neue, das die Distanz gegenüber Kants Begriff von Philosophie und vielleicht auch jenen Vorbehalt erklärt, lässt sich folgendermaßen beschreiben: Es ist die Idee, eine Theorie des menschlichen Geistes auf die Bahn zu bringen, die die kognitiven Fähigkeiten, die wir in unserem theoretischen und praktischen Weltverhältnissen anwenden, in einem einheitlichen Argumentationsgang begründet. Das soll so geschehen, dass das Subjekt, das über sie verfügt, sie aus seiner eigenen Perspektive, der Perspektive der Ersten Person also, zur Darstellung bringt und sie sich als seine eigenen, ihm zugehörigen Funktionen zuschreibt. So wird das Subjekt selber zum Autor und Gegenstand einer Theorie über seine epistemischen Funktionen. Das ist das innovative Programm einer „Geschichte des Selbstbewusstseins“, das Fichte als erster zu realisieren suchte, dem Schelling im *System des transzendentalen Idealismus* von 1800 und dann auch Hegel in der *Phänomenologie*

А. Зильбер: Вы могли бы несколько подробнее рассказать об этой программе?

Ю. Штольценберг: Чтобы понять, насколько новаторской была эта программа, следует для начала обратиться к ее истокам в истории науки. Истоки лежат в новом взгляде на природу, который появился во второй половине XVIII в., прежде всего во Франции, и заключался в том, чтобы не просто классифицировать формы природы, а пытаться объяснить ее генетическую историю. Эта новая научно-теоретическая парадигма утвердилась очень быстро. Первым, кто распространил этот новый естественнонаучный подход на философию духа, был Этьенн Бонно де Кондильяк с его «Трактатом об ощущениях» (*Traité des Sensations*, 1754). Кондильяк пытался выстроить последовательную реконструкцию всех когнитивных способностей человеческого духа по мере возрастания их сложности, начиная с простого чувственного восприятия. Эта научно-теоретическая модель для обоснования теории духа, которая увлекала философов после Канта и которую они в качестве новой научной теории человеческого духа сделали основой своего философствования. Она была опосредована рецепцией лейбницевской теории саморазвивающейся монады Гердером, Маймоном, Платнером и другими вплоть до Фихте. Фихте, правда, исходил не из простого чувственного восприятия, а, как ученик Канта, из человеческого самосознания (*Genealogien des Geistes...*, 2018).

Таким образом, это четко определенные, хотя и сложные взаимосвязи из истории идей, и они позволяют понять путь от Канта к Фихте. Постаревший Кант не был знаком с ними в достаточной степени и, как он выражался в письмах, не желал более оказывать доверие новым «чрезвычайно заостренным алпексам» своих учеников. Также он не хотел вникать в философию Фихте, с которой он, как известно, познакомился только поверхностно, по чужой рецензии. Для Канта важно было распространение его критической философии, в особенности практической философии. К этому он призывал Фихте. И Фихте этому призыву, на свой лад, последовал прежде всего в своем труде «Назначение человека» (1799).

А. Зильбер: Что из этого следует для понимания соотношения Канта и его последователей-идеалистов?

Ю. Штольценберг: Я думаю, следствия вполне очевидны: с пониманием дела нельзя говорить о непреодолимой и даже бездонной пропасти между Кантом и его последователями. Скорее, ясно, что новаторская философская программа, которая была инспирирована как новой научно-теоретической установкой, так и актуальными дискуссиями о философии Канта, потребовала введения совершенно новой, неизвестной Канту, формы понятий и обоснований: главным пред-

des Geistes und schließlich in seinem gesamten System der Philosophie eine jeweils eigene Prägung gegeben haben. Dieses Programm enthält meines Erachtens den Schlüssel zum Verständnis der klassischen deutschen Philosophie und ihrer verschiedenen Ausprägungen (Stolzenberg, 2009).

Zilber: Können Sie dieses Programm noch etwas genauer charakterisieren?

Stolzenberg: Um das Innovative dieses Programms zu verstehen, muss man zunächst einen Blick auf seine wissenschaftshistorischen Quellen tun. Sie liegen in einer neuen Betrachtung der Natur, die in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts vor allem in Frankreich aufkam, die die Naturformen nicht mehr klassifikatorisch zu beschreiben, sondern in einer genetischen Naturgeschichte zu erklären suchte. Dieses neue wissenschaftstheoretische Paradigma setzte sich sehr schnell durch. Der erste, der dieses neue naturwissenschaftliche Verfahren auf die Philosophie des Geistes anwandte, war Etienne Bonnot de Condillac mit seinem *Traktat über die Empfindungen (Traité des Sensations)* aus dem Jahre 1754. Im Ausgang von einer einfachen Sinneswahrnehmung suchte Condillac eine sukzessiv voranschreitende Rekonstruktion aller kognitiven, zunehmend komplexeren Fähigkeiten des menschlichen Geistes zu entwickeln. Das ist das wissenschaftstheoretische Modell für die Begründung einer Theorie des Geistes, das die Philosophen nach Kant faszinierte und das sie, vermittelt über eine Rezeption von Leibniz' Theorie der sich selbst entfaltenden Monade durch Herder, Maimon, Platter und anderen bis hin zu Fichte, als eine neue wissenschaftliche Theorie des menschlichen Geistes zur Grundlage ihres Philosophierens machten. Fichte freilich ging nicht von einer einfachen Sinnesempfindung aus, sondern, darin Schüler Kants, vom menschlichen Selbstbewusstsein (Bomski und Stolzenberg, 2018).

Es sind somit klar definierte, wenngleich komplexe problemgeschichtliche Zusammenhänge, die den Weg von Kant zu Fichte verständlich werden lassen. Mit ihnen war der alte Kant nicht hinreichend vertraut, und er mochte, wie er in Briefen äußert, den neuen „äußerst zugespitzten Apices“ seiner Schüler kein Vertrauen mehr schenken. Und auch in die Philosophie Fichtes, die er bekanntlich nur flüchtig und aus einer Rezension wahrgenommen hat, vermochte er sich nicht mehr hineinzufinden. Wichtig war ihm die Verbreitung seiner kritischen Philosophie, insbesondere seiner praktischen Philosophie. Dazu forderte er Fichte auf. Dem ist Fichte auf seine Weise vor allem in der Schrift „Bestimmung des Menschen“ aus dem Jahre 1799 nachgekommen.

Zilber: Welche Folgen ergeben sich daraus für das Verständnis des Verhältnisses von Kant und seinen idealistischen Nachfolgern?

метод философии были теперь не формы суждения и критическое обоснование их отношения к предмету — в особенности открытых Кантом синтетических суждений *a priori* — путем трансцендентальной дедукции, а конструктивное обоснование ментальных процессов, в которых человеческий дух взаимодействует с миром опыта. Согласно очевидному в самом себе и, как уже было сказано, непредметному принципу самосознания, эти ментальные процессы следует представлять в логически согласуемой последовательности как условия того понятия, которое субъект сознания создает о самом себе. Теперь нам уже ясно, что это тот исходный пункт, из которого произошли различные проекты систем в философии после Канта. Как именно это происходило и как оценивать успех конкретных теорий, до сих пор остается открытым вопросом.

А. Зильбер: Мой следующий вопрос непосредственно продолжает то, о чем Вы сейчас говорили. Вы в своих работах неоднократно цитируете одно выражение из кантовской «Критики практического разума», а именно «самосознание чистого практического разума», и связываете с ним тезис, согласно которому оно не только обозначает центр Кантовой этики, но и вообще является центральным местом, которое напрямую ведет к послекантовской философии, прежде всего к философии Фихте (Stolzenberg, 1988). Проясните, пожалуйста, это утверждение.

Ю. Штольценберг: В «Критике практического разума» Кант размышляет о том, не является ли безусловный практический закон — имеется в виду моральный закон — «просто самосознанием чистого практического разума», и далее он задумывается о том, не тождествен ли понятый таким образом чистый практический разум положительному понятию свободы (Кант, 1997а, с. 347). Положительное понятие свободы — это, разумеется, понятие свободы как автономии. Таким образом, это размышление Канта действительно затрагивает самый центр его этики.

Нетрудно показать, что это рассуждение, сформулированное просто как проблема, можно преобразовать в ассерторическое суждение. Для этого достаточно вспомнить кантовское определение автономии: «А чем же другим может быть свобода воли, — вопрошает Кант в «Основоположении к метафизике нравов», — если не автономией, то есть свойством воли быть самой для себя законом?» (Кант, 1997б, с. 223). Как известно, Кант отождествляет понятие воли с практическим разумом. Если следовать этой терминологической предпосылке, обозначенной в обеих приведенных цитатах, тогда автономия — это свойство чистого практического разума *быть* самому себе законом, а точнее, как указывает первая цитата, безусловным законом.

Stolzenberg: Ich denke, die Folgen sind unmittelbar klar: Von einer unüberbrückbaren oder gar verhängnisvollen Kluft zwischen Kant und seinen Nachfolgern kann sinnvollerweise keine Rede sein. Vielmehr ist klar, dass das innovative philosophische Programm, das sowohl durch die neue wissenschaftstheoretische Orientierung als auch durch die aktuellen Diskussionen um die Philosophie Kants motiviert war, die Einführung einer Kant gegenüber völlig neuen Begriffs- und Begründungsform erforderlich machte: Nicht Formen des Urteils und die kritische Begründung ihres Gegenstandsbezugs insbesondere der von Kant entdeckten synthetischen Urteile *a priori* durch eine transzendente Deduktion, sondern die konstruktive Begründung der mentalen Aktivitäten, mit denen der menschliche Geist sich auf die Welt der Erfahrung bezieht, waren nun der primäre Gegenstand der Philosophie. Im Ausgang von dem in sich selbst evidenten und, wie vorhin bereits gesagt, ungegenständlichen Prinzip des Selbstbewusstseins sollten diese mentalen Aktivitäten als die Bedingungen des Begriffs, den das Subjekt des Bewusstseins von sich selbst erzeugt, in einer logisch konsistenten Folgeordnung dargestellt werden. Man sieht nun auch, dass dies der Ausgangspunkt ist, aus dem die unterschiedlichen Systemwürfe in der Philosophie nach Kant hervorgegangen sind. Wie dies genau geschehen ist und wie der jeweilige Erfolg der Theorien zu beurteilen ist, ist bis heute eine offene Frage.

Zilber: Meine nächste Frage schließt an das, was Sie soeben ausgeführt haben, direkt an. In Ihren Veröffentlichungen zitieren Sie wiederholt einen Terminus aus Kants *Kritik der praktischen Vernunft*, das „Selbstbewusstsein einer reinen praktischen Vernunft“, und Sie verbinden damit die These, dass damit nicht nur das Zentrum von Kants Ethik bezeichnet ist, sondern dass dies eine ganz zentrale Stelle ist, von der aus ein direkter Anschluss an die Philosophie nach Kant, und vor allem an die Fichtesche Philosophie, gegeben ist (Stolzenberg, 1988). Ich möchte Sie bitten, diese Thesen etwas näher zu erläutern.

Stolzenberg: In der *Kritik der praktischen Vernunft* erwägt Kant, ob ein unbedingtes praktisches Gesetz, gemeint ist das Sittengesetz, nicht „bloß das Selbstbewußtsein einer reinen praktischen Vernunft“ sei, und weiter erwägt Kant, ob die so gefasste reine praktische Vernunft nicht mit dem positiven Begriffe der Freiheit identisch sei (*KpV*, AA 05, S. 29). Der positive Begriff der Freiheit ist natürlich der Begriff der Freiheit als Autonomie. Kants Überlegung betrifft also wirklich das Zentrum seiner Ethik.

Man kann nun leicht zeigen, dass Kants bloß problematisch formulierte Erwägung in ein assertonisches Statement überführt werden kann. Dazu muss man

Хотя эта формулировка звучит довольно неприглядно, ясно, что Кант имеет в виду. Подразумевается, что чистый практический разум не обуславливается ни эмпирическими законами, ни содержательно определенными универсально действующими законами, а только самим собой. Быть обусловленным самим собой или, соответственно, быть законом самому себе может означать только то, что чистый разум благодаря этому является практическим, что он в отношении поступков или максим воли возводит в принцип только свою собственную основную функцию, которая заключается в формальной компетенции, а именно — в учреждении универсальной целесообразности.

Так мы приближаемся к смыслу понятия «самосознание чистого практического разума». Пока чистый практический разум в отношении поступков и, соответственно, максим воли возводит в один-единственный принцип для оценки поступков или максим воли только свою собственную компетенцию — учреждение универсальной целесообразности, он направлен только на самого себя, на свою собственную суть. Именно в этом заключается его самозаконотворчество, или его автономия, и это — положительное понятие свободы. Такое отношение чистого практического разума к самому себе можно назвать самосознанием чистого практического разума. Тем самым кантовский моральный закон — это не содержательно обусловленный закон, который чистый практический разум делает своим собственным. Моральный закон — это не что иное, как понятийное выражение собственной сущности разума. Моральный закон — это, как Кант объясняет в другом месте, «формальный закон», и это не что другое, как «форма его [то есть разума] всеобщего законодательства» (Кант, 1997а, с. 443). Тем самым этика Канта и ее принцип, свобода как автономия, являются результатом специфического саморефлексивного движения человеческого разума. Он провозглашает свою собственную сущность всеобщим критерием обоснования моральности. Таким образом, он сам себе закон. Это тоже уникально и революционно для философской этики.

А. Зильбер: Так мы снова вернулись к началу нашей беседы, а началась она с этики Канта.

Ю. Штольценберг: В самом деле: именно в ней находится ядро Кантовой теории человеческого достоинства, фундамент которой образует понятие автономии. Уважать достоинство человека, таким образом, означает считать каждого человека обладающим саморефлексивным (в строгом смысле) практическим разумом и признавать это высшей человеческой ценностью. Это именно тот пункт, о котором следует напоминать критикам кантовского понятия достоинства.

сich nur Kants Definition von Autonomie vor Augen stellen: „Was kann denn wohl die Freiheit des Willens sonst sein“, so fragt Kant in der *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*, „als Autonomie, d. i. die Eigenschaft des Willens, sich selbst ein Gesetz zu sein?“ (GMS, AA 04, S. 446–447). Es darf als bekannt gelten, dass Kant den Begriff des Willens mit dem der praktischen Vernunft gleichsetzt. Folgt man unter dieser terminologischen Prämisse der soeben zitierten und der obigen Erklärung, dann ist Autonomie die Eigenschaft der reinen praktischen Vernunft, sich selbst ein Gesetz, und zwar, wie das obige Zitat hervorhebt, ein unbedingtes Gesetz zu sein.

Obwohl diese Formulierung recht ungewöhnlich klingt, ist das, was Kant meint, klar. Gemeint ist, dass die reine praktische Vernunft weder durch empirische Gesetze noch durch inhaltlich bestimmte universal gültige Gesetze bestimmt ist, sondern nur durch sich selbst. Durch sich selbst bestimmt bzw. sich selbst ein Gesetz zu sein, das kann dann nur heißen, dass die reine Vernunft dadurch praktisch ist, dass sie mit Bezug auf Handlungen bzw. Maximen des Willens nur ihre eigene wesentliche Funktion zum Prinzip erhebt, und die besteht in einer formalen Kompetenz, nämlich der Etablierung einer universalen Gesetzlichkeit.

Damit kommen wir der Bedeutung des Begriffs des Selbstbewusstseins einer reinen praktischen Vernunft näher. Sofern nämlich die reine praktische Vernunft in ihrem Bezug auf Handlungen bzw. Maximen des Willens nur ihre eigene Kompetenz, die Etablierung universalen Gesetzlichkeit, zum alleinigen Prinzip für die Beurteilung von Handlungen bzw. Maximen des Willens erhebt, bezieht sie sich nur auf sich selbst, ihr eigenes Wesen. Genau darin besteht ihre Selbstgesetzgebung bzw. ihre Autonomie, und das ist der positive Begriff der Freiheit. Ein solches Selbstverhältnis der reinen praktischen Vernunft ist als Selbstbewusstsein einer reinen praktischen Vernunft zu bezeichnen. Das Kantische Sittengesetz ist insofern nicht ein inhaltlich bestimmtes Gesetz, das die reine praktische Vernunft sich zu eigen macht, das Sittengesetz ist gar nichts anderes als der begrifflich gefasste Ausdruck ihres eigenen Wesens. Das Sittengesetz ist, wie Kant an einer anderen Stelle ausführt, ein „formales Gesetz“, und das ist „nichts weiter als die Form ihrer [d. h. der Vernunft] allgemeinen Gesetzgebung“ (KpV, AA 05, S. 64). Kants Ethik und ihr Prinzip, die Freiheit als Autonomie, ist somit das Resultat einer spezifischen selbstreflexiven Bewegung der menschlichen Vernunft. Sie erklärt ihr eigenes Wesen zum alleinigen Kriterium der Begründung der Moralität. Darin ist sie sich selbst ein Gesetz. Auch das ist singular, und es ist für die philosophische Ethik revolutionär.

Исходя из этого, однако, можно также понять другую важную часть этической теории Канта, на которую в кантоведении направлено меньше внимания. Здесь я могу только кратко указать на эту проблему. Речь идет о таблице категорий свободы и об их теоретическом контексте. Их общий принцип, по словам Канта, — это «закон, который разум устанавливает самому себе как закон свободы» (Кант, 1997а, с. 445). Поэтому кажется вполне разумным, по аналогии с дедукцией категорий теоретического разума и знаменитым положением Канта о «я мыслю», которое должно иметь возможность сопровождать все мои представления (Кант, 2006, с. 203), исходить в случае категории свободы из чистого «я желаю», для которого должна иметься возможность сопровождать все мои желания, если эти желания должны быть возможны как нравственные желания. В этом случае функция категорий свободы заключается в том, что они являются принципами, согласно которым «многообразное [содержание] желаний» (Кант, 1997а, с. 445) подчиняется единству самосознания чистого практического разума.

Теперь перехожу ко второй части вашего вопроса: важно заметить, что это именно то отношение чистого практического разума к самому себе, которое самым тщательным образом анализировал Фихте. Из его сочинений в этой связи следует упомянуть следующие: «Основы естественного права» (1796) — в нем Фихте формирует понятие изначального практического самосознания и объявляет его первым определением теории конкретной субъективности; вторая редакция наукоучения под названием «Опыт нового изложения наукоучения» (1796/97), в котором Фихте развивает эту концепцию в понятии чистой воли; наконец, «Система учения о нравах» (1798), точнее, ее первый раздел, презентует тонко дифференцированный анализ кантовского понятия самосознания чистого практического разума. Конечно, теория Канта при этом подвергается определенной понятийной модификации, но ее ядро остается неизменным. Отсюда, однако, открывается также перспектива на позднюю философию Фихте. Можно проследить, как философский путь Фихте определяется последовательностью различных экспликаций этой одной базовой структуры, которые реагируют на современные Фихте дискуссии, в особенности на аргументы Якоби и Шеллинга (Stolzenberg, 2018).

А. Зильбер: Если я правильно понял, вы строите на этом свою критику хайдеггеровской феноменологической теории самости из работы «Бытие и время» (Stolzenberg, 2002).

Ю. Штольценберг: У Хайдеггера теория совести в «Бытии и времени» предполагает, что так называемая самость (Selbst) обладает изначальным практическим

Zilber: Damit sind wir wieder beim Beginn unseres Gesprächs, das von Kants Ethik ausgegangen war.

Stolzenberg: In der Tat: Hier liegt der Kern von Kants Theorie der Würde des Menschen, deren Basis ja der Autonomiebegriff ist. Die Würde des Menschen zu achten, heißt somit, jedem Menschen diese Kompetenz einer im strengen Sinne selbstreflexiven praktischen Vernunft zuzusprechen und dies als höchsten humanen Wert anzuerkennen. Das ist eigentlich der Punkt, den man den Kritikern des Kantischen Würdebegriffs vor Augen halten muss.

Daraus lässt sich aber auch eine Interpretation eines anderen wichtigen Theoriestücks von Kants Ethik gewinnen, das weniger stark im Zentrum des Interesses der Kant-Forschung steht. Darauf kann ich hier nur kurz hinweisen. Es handelt sich um die Tafel der Kategorien der Freiheit und ihren theoretischen Kontext. Deren gemeinsames Prinzip ist, wie Kant ausführt, „das Gesetz der Freiheit, [das] die Vernunft sich selbst gibt“ (KpV, AA 05, S. 65). Es erscheint daher sinnvoll, in Analogie zur Deduktion der Kategorien der theoretischen Vernunft und Kants berühmten Satz vom ‚Ich denke‘, dass alle meine Vorstellung muss begleiten können (KrV, B 132), im Falle der Kategorien der Freiheit von einem reinen ‚Ich will‘ auszugehen, dass alle meine Begehungen begleiten können muss, wenn es sittliche Begehungen sein können sollen. Die Funktion der Kategorien der Freiheit besteht dann darin, dass sie die Prinzipien sind, unter denen „das Mannigfaltige der Begehungen“ (KpV, AA 05, S. 65) der Einheit des Selbstbewusstseins einer reinen praktischen Vernunft unterworfen wird.

Um nun auf den zweiten Teil Ihrer Frage zu kommen: Es ist wichtig zu sehen, dass es genau dieses Selbstverhältnis einer reinen praktischen Vernunft ist, dem Fichte seine ausführlichsten Analysen gewidmet hat. Die zu nennenden Schriften sind die *Grundlage des Naturrechts* von 1796; dort prägt Fichte den Begriff des ursprünglichen praktischen Selbstbewusstseins und zeichnet ihn als die erste Bestimmung einer Theorie der konkreten Subjektivität aus; Fichtes zweite Fassung der Wissenschaftslehre, die *Wissenschaftslehre nova methodo* von 1796/97, greift diese Konzeption unter dem Begriff des reinen Willens auf; das *System der Sittenlehre* von 1798, genauer dessen erstes Hauptstück, schließlich liefert die differenzierteste Analyse des Kantischen Begriffs des Selbstbewusstseins einer reinen praktischen Vernunft. Dass Kants Theorie hierbei gewisse begriffliche Modifikationen erfährt, ist klar, lässt den Kern der Sache aber unberührt. Von hier aus eröffnet sich aber auch eine Perspektive auf die späte Philosophie Fichtes. Es lässt sich zeigen, dass Fichtes philosophischer Weg von der Folge jeweils unterschiedlicher Explikationen

самосознанием. Под этим подразумевается способность, дистанцировавшись от всех отношений мира, которые в состоянии страха, как выразительно пишет Хайдеггер, рухнули и кажутся бессмысленными, решаться на что-то, изначально исходя из самого себя и мыслить это решение как «свидетельство... самой своей способности-быть» (Хайдеггер, 1997, с. 279) — эта способность остается непонятной без сознательного самоотнесения того, кто тут решает. Хайдеггер, правда, не сказал, в чем состоит эта «самая своя способность-быть».

В отношении «Хайдеггер — Кант» следует обратить внимание еще на два аспекта. С одной стороны, Хайдеггер представил сравнительно мало изученную интерпретацию Кантовой теории морального самосознания (Хайдеггер, 2001). В ней Хайдеггер концентрируется прежде всего на кантовской теории чувства уважения к закону. И что интересно, интерпретация Канта Хайдеггером обнаруживает явное сходство с концептом практического самоопределения у Фихте, который, к слову, логично было бы предпослать Хайдеггеровой программе анализа конкретной экзистенции (Stolzenberg, 2001). Подтверждается это тем, что в 1929 г., то есть после публикации «Бытия и времени», Хайдеггер впервые предпринял тщательный разбор и интерпретацию философии Фихте (Хайдеггер, 2016). Его впечатлило ее удивительное сходство с его собственной концепцией изначальной практической самости, чье самоотношение нельзя определить согласно модели рефлексии о чем-либо вещественном, и это побудило его к пересмотру его критики нововременной теории субъективности (Stolzenberg, 2003). А проблематика поздней философии Хайдеггера и его роковое сближение с национал-социализмом — это тема отдельного разговора.

А. Зильбер: Вернемся к Канту и его присутствию в современности. Вы — соредатор большого трехтомного «Кантовского лексикона», который вышел в 2015 г. (Kant-Lexikon, 2015). В чем состоит его значение для кантоведения и какова его роль в ваших занятиях Кантом?

Ю. Штольценберг: «Кантовский лексикон» — это дань уважения Канту. Мы с коллегами посвятили этому изданию несколько лет интенсивной работы. Оно свидетельствует о непреходящем величии Канта, которое проявляется во всех областях науки и философии его времени. «Кантовский лексикон» включает более 2300 статей, написанных более чем 200 авторами, и представляет философское наследие Канта на основе новейших изданий его трудов и с учетом новейших исследований кантоведов. До сих пор такого лексикона у нас не было. Текстовую основу составили печатные труды Канта, опубликованные в академиче-

дieser einen Grundstruktur bestimmt ist, die auf zeitgenössische Diskussionen, insbesondere auf Argumente Jacobis und Schellings reagieren (Stolzenberg, 2018).

Zilber: Wenn ich es recht verstanden habe, begründen Sie daraus auch Ihre Kritik an Heideggers phänomenologischer Theorie des Selbst in *Sein und Zeit* (Stolzenberg, 2002).

Stolzenberg: Heideggers Theorie des Gewissens in *Sein und Zeit* setzt ein ursprünglich praktisches Selbstbewusstsein des von ihm sogenannten Selbst voraus. Denn die hier thematische Fähigkeit, sich in Distanz zu allen Weltverhältnissen, die, wie Heidegger beeindruckend ausführt, in der Angst zusammengebrochen sind und sinnlos erscheinen, von sich aus ursprünglich zu etwas entscheiden und diese Entscheidung als „Bezeugung seines eigensten Seinkönnens“ (Heidegger, 1986, S. 279) verstehen zu können, ist ohne einen bewussten Selbstbezug auf Seiten dessen, der sich da entscheidet, nicht verständlich. Worin dieses ‚eigenste Seinkönnen‘ besteht, hat Heidegger allerdings nicht gesagt.

Mit Blick auf das Verhältnis Heidegger — Kant ist noch auf zweierlei aufmerksam zu machen. Zum einen hat Heidegger eine relativ wenig beachtete Interpretation von Kants Theorie des moralischen Selbstbewusstseins entwickelt (Heidegger, 1975). Heidegger konzentriert sich hierbei vor allem auf Kants Theorie des Gefühls der Achtung vor dem Gesetz. Es ist nun interessant zu sehen, dass Heideggers Kant-Interpretation eine deutliche Affinität zu Fichtes Konzept praktischer Selbstbestimmung aufweist, das Heideggers Programm einer Analyse der konkreten Existenz allerdings logisch vorzuordnen ist (Stolzenberg, 2001). Damit stimmt zusammen, dass Heidegger im Jahre 1929, also nach *Sein und Zeit*, zum ersten Mal eine ausführliche Darstellung und Interpretation der Philosophie Fichtes vorgetragen hat (Heidegger, 1997). Sie hat ihn aufgrund der überraschenden Nähe zu seiner eigenen Konzeption eines ursprünglich praktischen Selbst, dessen Selbstverhältnis nicht nach dem Modell einer Reflexion auf etwas Gegenständliches begriffen werden kann, beeindruckt und zu einer Revision seiner Kritik an der neuzeitlichen Theorie der Subjektivität veranlasst (Stolzenberg, 2003). Auf die Problematik von Heideggers späterer Philosophie und auch seine unheilvolle Verstrickung in den Nationalsozialismus kann ich hier nicht eingehen.

Zilber: Kehren wir zu Kant und seiner Präsenz in der Gegenwart zurück. Sie sind Mitherausgeber des großen dreibändigen *Kant-Lexikons*, das 2015 erschienen ist (Willaschek, Stolzenberg, Mohr und Bacin, 2015). Worin besteht seine Bedeutung für die Kant-Forschung, und welchen Stellenwert hat es in ihrer Beschäftigung mit Kant?

ском издании в томах с 1-й по 9-й, а также 21-й и 22-й. Письма, черновые наброски и записи лекций, которые изданы в этом же собрании, привлекаются в той мере, в которой они помогают понять печатные труды Канта и терминологию, использованную им в «Opus postumum». Кроме того, «Кантовский лексикон» содержит подробное изложение содержания, а также предистории и истории создания трудов Канта, которые он сам готовил к печати. Были также приняты во внимание те журналы, в которых Кант публиковал свои статьи и рецензии. Наконец, «Кантовский лексикон» содержит статьи о тех персонах, которые упоминаются в трудах Канта, а также о его корреспондентах и издателях — этот блок статей написан в основном студентами университета в Галле под моим руководством. В 2009 г. группа этих студентов посетила Калининград в рамках Кантовских чтений.

Недавно вышло учебное издание «Кантовского лексикона» в одном томе. Хотелось бы, чтобы в скором времени появился перевод на русский язык, в основу его можно было бы положить это учебное издание.

А. Зильбер: В 2004 г. вы в сотрудничестве с Междисциплинарным центром исследований европейского Просвещения Университета Галле-Виттенберга, членом правления которого вы являетесь, организовали в Галле первый международный конгресс, посвященный Христиану Вольфу и приуроченный к 250-летию со дня смерти философа. Сейчас вы руководитель проекта и редактор историко-критического издания обширной, ранее практически не известной переписки между Христианом Вольфом и Эрнстом Кристофом фон Мантойфелем. Пожалуй, будет уместно спросить о том, как соотносятся эти проекты с вашими кантоведческими исследованиями.

Ю. Штольценберг: Вы, конечно, знаете этот красивый пассаж в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», где Кант славит Вольфа как «величайшего из всех догматических философов» и называет его «провозвестником до сих пор еще не угасшего в Германии духа основательности» (Кант, 2006, с. 39). Известно также, что Кант несколько десятилетий мыслил в традициях школы Лейбница-Вольфа, которые были ему отлично знакомы, ведь в основе его лекций лежали сочинения учеников Вольфа — Александра Готлиба Баумгартена и Георга Фридриха Майера. Однако было бы неправильно причислять раннего Канта к вольфианцам. Уже в его ранних сочинениях обнаруживаются некоторые имплицитные критические аргументы против базовых допущений вольфианской онтологии, метафизики и логики. Можно, конечно, отметить и многочисленные терминологические заимствования из языка Вольфа. Вдобавок Кант перенял у Вольфа многие принципы структурирования философии.

Stolzenberg: Das *Kant-Lexikon* ist eine Hommage an Kant. Ich habe ihm zusammen mit meinen Kollegen mehrere Jahre intensiver Arbeit gewidmet. Es dokumentiert die überwältigende Größe Kants, die sich auf allen Gebieten der Wissenschaft und der Philosophie seiner Zeit zeigt. Das *Kant-Lexikon* erschließt mit über 2.300 Artikeln von über 200 Autoren das philosophische Werk Kants auf der Grundlage der aktuellen Text-Editionen und mit Bezug auf den aktuellen Stand der Kant-Forschung. Ein solches Lexikon stand bisher nicht zur Verfügung. Textgrundlage sind die Bände 1 bis 9 sowie 21 und 22 der sog. Akademie-Ausgabe der Schriften Kants. Die in dieser Ausgabe abgedruckten Briefe, Nachlass-Reflexionen und Vorlesungsnachschriften werden insoweit herangezogen, wie sie zur Erläuterung der von Kant selber veröffentlichten Werke und der im *Opus postumum* verwendeten Terminologie hilfreich sind. Das *Kant-Lexikon* enthält darüber hinaus eine ausführliche Darstellung des Inhalts der von Kant selber zum Druck beförderten Schriften sowie Informationen über ihre Vorgeschichte und Entstehung. Berücksichtigt werden auch die Zeitschriften, in denen Kant seine Aufsätze und Rezensionen publiziert hat. Schließlich bringt das *Kant-Lexikon* Artikel zu Personen, die in Kants Werken erwähnt werden sowie zu Briefpartnern und Verlegern. Sie sind überwiegend unter meiner Betreuung von Studierenden in Halle verfasst worden. 2009 war die Gruppe im Rahmen einer Kant-Tagung zu Gast in Kaliningrad.

Vor kurzem ist eine Studienausgabe des *Kant-Lexikons* in einem Band erschienen. Ich würde mich freuen, wenn es bald eine Übersetzung in Russische gäbe, die diese Studienausgabe zur Vorlage haben könnte.

Zilber: Sie haben im Jahre 2004 in Halle aus Anlass des 250. Todestags von Christian Wolff den ersten Internationalen Christian-Wolff-Kongress in Kooperation mit dem Interdisziplinären Zentrum für die Erforschung der Europäischen Aufklärung der Universität Halle, dessen Vorstandsmitglied Sie sind, organisiert. Aktuell sind Sie Projektleiter und Herausgeber einer historisch-kritischen Edition des so gut wie unbekanntem umfangreichen Briefwechsels zwischen Christian Wolff und Ernst Christoph von Manteuffel. Die Frage liegt nahe, wie sich diese Projekte zu Ihren Forschungen zu Kant verhalten.

Stolzenberg: Sie kennen die schöne Stelle in der Vorrede zur zweiten Auflage der *Kritik der reinen Vernunft*, wo Kant Wolff als den „größten unter allen dogmatischen Philosophen“ rühmt und ihn als den „Urheber des bisher noch nicht erloschenen Geistes der Gründlichkeit in Deutschland“ (*KrV*, B XXXVI) bezeichnet. Und bekannt ist, dass Kant über Jahrzehnte in den Bahnen der sog. Leibniz-Wolffschen Schule dachte, die

Но при всем этом надо сказать, что вместе с Кантовой сокрушительной критикой традиционной метафизики — и это была именно метафизика школы Лейбница — Вольфа — господство философии Вольфа во всей Европе пошло к закату. Позднее падению авторитета и значения вольфианской философии способствовала, наряду с популяризацией Просвещения, событиями Французской революции и зарождавшимся романтизмом, также резкая, зачастую, кстати, несправедливая критика со стороны Гегеля. И Вольфовский конгресс в Галле стал попыткой реабилитации Вольфа как центральной фигуры в философии первой половины XVIII столетия.

Сохранившаяся почти полностью переписка Вольфа с Мантойфелем, если рассказать о ней кратко, это большая удача для исследований философии Вольфа и Просвещения. Я обратил на нее внимание в рамках подготовки Вольфовского конгресса. Переписка хранится в библиотеке Лейпцигского университета. Около 500 писем — это самая большая сохранившаяся переписка в наследии Христиана Вольфа. Она велась в 1738–1748 гг. и является, таким образом, уникальным источником для поздней биографии Христиана Вольфа. Этот период его жизни во многих отношениях получает новое освещение, включая испытания и невзгоды во время долгого возвращения Вольфа в Галле, откуда он был, как известно, изгнан в 1723 г. Но не только это: в переписке задокументированы позиции Вольфа и Мантойфеля в политических, философских, теологических и естественнонаучных спорах того времени. Кроме того, эта переписка открывает совершенно новый и масштабный взгляд на функции тех научно-политических связей, которые были организованы и поддерживались Мантойфелем наряду с основанным им в 1736 г. Обществом друзей истины, *Societas Alethophilorum*, в целях распространения и защиты вольфианства. До последнего времени в вольфианских исследованиях этому почти не уделялось внимания. Мантойфель же, к слову, занимал ключевую должность министра иностранных дел при саксонско-польском дворе Августа II и был, таким образом, влиятельнейшим политиком в окружении короля. Одновременно он был тайным агентом венского императорского двора. Кроме того, он был высокообразованным литератором, а также просветительским организатором, распространителем и публичным защитником вольфианства в Берлине и Лейпциге, о чем со всей очевидностью свидетельствует переписка. В начале 2019 г. эта переписка выйдет из печати.

А. Зильбер: В начале интервью вы упомянули свои работы о марбургском неокантианстве. Что вас интересовало в нем более всего?

Им durch die Schriften von Wolffs Schüler Alexander Gottlieb Baumgarten und Georg Friedrich Meier, die er seinen Vorlesungen zugrunde legte, bestens vertraut war. Es wäre allerdings falsch, Kant in seiner frühen Zeit auch als Wolffianer zu bezeichnen. Schon in seinen frühen Schriften finden sich etliche implizite kritische Argumente gegen Grundannahmen von Wolffs Ontologie, Metaphysik und Logik. Freilich lassen sich auch viele terminologische Anleihen, die Kant von Wolff bezieht, feststellen, und es gibt viele Prinzipien der Gliederung der Philosophie, die Kant von Wolff übernommen hat.

Man muss aber doch sagen, dass mit Kants durchschlagender Kritik der traditionellen Metaphysik, und dies war die Metaphysik des Leibniz-Wolffschen Schule, die seinerzeit europaweite Präsenz der Philosophie Wolffs zu Ende ging. Zum Niedergang des Ansehens und der Bedeutung der Wolffschen Philosophie hat dann auch noch, neben der Popularisierung der Aufklärung, den Ereignissen der Französischen Revolution und der aufkommenden Romantik, Hegels vehemente, im übrigen oft unfaire Kritik beigetragen. So war der Hallesche Wolff-Kongress der Versuch einer Rehabilitierung Wolffs als einer zentralen Gestalt der Philosophie in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts.

Der nahezu lückenlos erhaltene Briefwechsel zwischen Wolff und Manteuffel, um darauf kurz zu sprechen zu kommen, ist für die Wolff- und Aufklärungsforschung ein einmaliger Glücksfall. Ich bin darauf im Rahmen des Wolff-Kongresses aufmerksam geworden. Er wird in der Universitätsbibliothek Leipzig aufbewahrt. Mit nahezu 500 Briefen ist er der umfangreichste erhaltene Briefwechsel Christian Wolffs. Er erstreckt sich über die Jahre 1738–1748 und ist daher ein einzigartiges Zeugnis zu Christian Wolffs später Biographie. Sie wird in vieler Hinsicht neu beleuchtet, unter anderem mit Blick auf die Irrungen und Wirrungen um Wolffs lange Rückkehr nach Halle, von wo er bekanntlich 1723 vertrieben worden war. Aber nicht nur das: Der Briefwechsel dokumentiert Wolffs und Manteuffels Positionen innerhalb der politischen, philosophischen, theologischen und naturwissenschaftlichen Debatten der Zeit. Der Briefwechsel eröffnet ferner einen innovativen und weitreichenden Einblick in die Funktionen eines wissenschaftspolitischen Netzwerks, das von Manteuffel, neben der von ihm im Jahre 1736 gegründeten *Gesellschaft der Liebhaber der Wahrheit*, der *Societas Alethophilorum*, zum Zwecke der Verbreitung und Verteidigung des Wolffianismus unterhalten und gepflegt wurde. Das ist in der Wolff-Forschung bisher so gut wie unbeachtet geblieben. Manteuffel war führender Kabinettsminister für die auswärtigen Angelegenheiten am sächsisch-polnischen Hof August II. und

Ю. Штольценберг: В то время, когда я занимался исследованиями неокантианства, интерес к ним во всем мире достиг своего апогея. Это было в определенном смысле переоткрытие той эпохи в философии, которая имела решающее значение для философии современности. Неокантианство, в особенности неокантианство Марбургской школы, основанной Германом Когеном и Паулем Наторпом, само себя считало ответом на революционные достижения естественных наук Нового времени. Согласно Кантовой модели обоснования ньютоновской физики, задача философии состоит в представлении априорных категориальных оснований для нововременного естественнонаучного познания. Это была явная альтернатива для других течений того времени — материализма и позитивизма. Наторп и Коген действовали внешне как гомогенная «рабочая ассоциация», как они себя называли. Однако неизвестные ранее архивные документы, в том числе рецензии Пауля Наторпа на работы Когена, которые Наторп не публиковал ради сохранения «внутреннего мира», показывают другую, гораздо более дифференцированную и противоречивую картину этой «рабочей ассоциации». Я постарался внимательно проследить эти идейные отношения, критически полемизуя с интерпретациями, которые представил Хельмут Хольцхай.

Второй удачей для моих исследований неокантианства было упомянутое ранее издание «Фрайбургских лекций» Мартина Хайдеггера, вплоть до той поры абсолютно неизвестных, в которых он в годы после Первой мировой войны полемировал с обеими школами неокантианства, в особенности же с философией Пауля Наторпа и его новаторской психологией (Heidegger, 1994–2018). Это была целина. Критика Наторпа Хайдеггером меня не убедила, за исключением того, что в ней уже просматривается хайдеггеровская, в некотором смысле анархистская, критика культуры. И наконец, я посвятил себя поздним идеям Пауля Наторпа, которые тогда были столь же мало известны, как и сейчас. Их развитие можно реконструировать по неопубликованным конспектам лекций, которые сохранились в архиве Наторпа. В своих поздних работах он развивает собственную концепцию философии культуры (Stolzenberg, 1995). Здесь обнаружилось доселе неизвестные теоретические связи с герменевтикой Ханса-Георга Гадамера, который был последним защитившимся аспирантом Наторпа, а также с философией культуры Эрнста Кассирера, который посвятил Паулю Наторпу второй том своей «Философии символических форм», на что почти не обращают внимания. В качестве неожиданного побочного результата мне довелось открыть в Наторпе вполне серьезного композитора. Некоторые произведения Пауля Наторпа были исполнены с моей подачи на Кантовском

damit einflussreichster Politiker neben dem König, zugleich war er Geheimagent des Wiener Kaiserhofes. Er war ein hochgebildeter *homme de lettres*, und er war, wie der Briefwechsel eindrucksvoll belegt, aufklärerischer Organisator, Multiplikator und publizistischer Verteidiger des Wolffianismus in Berlin und Leipzig. Der Briefwechsel wird Anfang 2019 erscheinen.

Zilber: Sie haben eingangs Ihre Forschungen zum Marburger Neukantianismus erwähnt. Was hat Sie daran vor allem interessiert?

Stolzenberg: Die Forschungen zum Neukantianismus hatten in der Zeit, in der ich mich damit beschäftigt habe, international einen Höhepunkt erreicht. In einem gewissen Sinn war eine Epoche der Philosophie wiederentdeckt worden, die für die Geschichte der Philosophie der Moderne von entscheidender Bedeutung war. Der Neukantianismus, insbesondere der von Hermann Cohen und Paul Natorp begründete Neukantianismus Marburger Prägung, verstand sich als eine Reaktion auf die bahnbrechenden Errungenschaften der neuzeitlichen Naturwissenschaften. Nach dem Modell von Kants Begründung der Newtonischen Physik sollte die Philosophie die apriorischen kategorialen Grundlagen der neuzeitlichen naturwissenschaftlichen Erkenntnis darstellen. Das war die erklärte Alternative zu den zeitgenössischen Strömungen des Materialismus und Positivismus. Natorp und Cohen traten nach außen als eine homogene „Arbeitsgemeinschaft“, wie sie sich selber nannten, auf. Bisher unbekanntes Nachlassdokumente, unter anderem Rezensionen von Paul Natorp von Cohens Werken, die Natorp um Wahrung des ‚inneren Friedens‘ willen aber nicht publiziert hatte, zeigen ein anderes, sehr viel differenzierteres und kontroverses Bild dieser ‚Arbeitsgemeinschaft‘. Dem bin ich, in kritischer Auseinandersetzung mit den Interpretationen, die Helmut Holzhey vorgestellt hatte, genauer nachgegangen.

Das zweite für meine Neukantianismus-Forschungen glückliche Ereignis war die erwähnte Veröffentlichung von Martin Heideggers bis dahin ebenfalls völlig unbekanntes frühen Freiburger Vorlesungen, in denen er sich in den Jahren nach dem Ersten Weltkrieg mit beiden Schulen des Neukantianismus, insbesondere aber mit Natorps Philosophie und seiner innovativen Psychologie, auseinandergesetzt hat. Das war Neuland. Heideggers Natorp-Kritik hat mich nicht überzeugt, abgesehen davon, dass Heideggers in gewissem Sinne anarchistische Kulturkritik sich hier schon abzeichnet. Und schließlich habe ich mich dem damals wie heute weithin unbekanntes Spätwerk Paul Natorps gewidmet, dessen Entwicklung aus unveröffentlichten Vorlesungsmanuskripten, die im Nachlass vorhanden sind, rekonstruiert werden kann, und mit dem der

конгрессе в Сан-Паулу в 2005 г. (см.: Дмитриева, 2006, с. 170 сл.) и затем в Москве на конференции, посвященной немецкому и русскому неокантианству (см.: Дмитриева, 2009, с. 166). Лишь позднее я узнал о том, что марбургское неокантианство стало важным источником активной критики культуры в России для многих молодых русских интеллектуалов, которые приезжали в Марбург, — в том числе для Бориса Пастернака, оставшегося кантианцем собственно всю свою жизнь.

А. Зильбер: Позвольте мне перейти к теме музыки и задать вопрос, нашлось ли у вас и для нее место среди размышлений о Канте.

Ю. Штольценберг: Наверное, это прозвучит экзотично, если скажу, что с позиций кантовской теории суждения вкуса я в некоторой степени *ex post* разрешил исторический спор о том, как на интересубъективно ответственном уровне можно говорить о красоте музыкального произведения (Stolzenberg, 2012). Речь идет о знаменитом в свое время споре Ганса Пфизнера и Альбана Берга о «Грезях» Роберта Шумана. В то время как для Пфизнера красота этого произведения раскрывается только через чувство, Берг представил детальный анализ структуры этого сочинения, в котором он попытался обосновать его красоту понятийно определенными критериями. Кому знакома эстетическая теория Канта, тот сразу увидит, что здесь идет речь об «антиномии вкуса», и Пфизнер придерживается тезиса, что суждение вкуса основывается только на чувстве, а не на понятиях, поскольку иначе можно было бы путем доказательств определять, что именно противоречит эстетическому переживанию. Берг же, напротив, отстаивает антитезис: суждение вкуса основывается на понятиях, потому что иначе нельзя понять заявленное притязание на интересубъективную значимость. С опорой на Кантову теорию суждения вкуса и с учетом его размышлений о том, что такое музыкально-эстетическая идея, возможно примирить обе позиции.

А. Зильбер: В заключение хотелось бы поговорить о перспективах исследований, которые вы упомянули в связи с вашим интересом к вопросам музыкальной эстетики и философии музыки. Работа, которую вы опубликовали на эту тему, носит название «Выразить свое Я и в музыке» (Stolzenberg, 2011). Что за этим скрывается, и связано ли это каким-то образом с вашими исследованиями теории субъективности?

Ю. Штольценберг: Приведенное Вами название — это цитата из работы поэта, журналиста и музыканта Кристиана Фридриха Даниэля Шубарта «Идеи к эстетике музыкального искусства» (1806). Эта цитата отражает музыкально-эстетическую программу, которая была сформулирована в середине XVIII столетия и коренным образом изменила понимание выразительности в музыке и саму музыку. До той поры музыке

спäte Natorp eine eigenständige Philosophie der Kultur entwickelt (Stolzenberg, 1995). Von hier haben sich bis dahin unentdeckte theoretische Verbindungen zur Hermeneutik Hans-Georg Gadamers ergeben, der der letzte Promovend von Natorp war, und zu Ernst Cassirers Kulturphilosophie, der, was kaum wahrgenommen wird, Paul Natorp den zweiten Band seiner *Philosophie der symbolischen Formen* gewidmet hat. Als ein unverhofftes Nebenprodukt hat sich die Entdeckung von Natorp als eines durchaus ernst zu nehmenden Komponisten ergeben. Einige Kompositionen von Paul Natorp habe ich beim Kant-Kongress in Sao Paulo im Jahre 2005 (s. Dmitrieva, 2006, S. 170 Anm.) und sodann im Rahmen einer Tagung über den deutschen und russischen Neukantianismus in Moskau zur Aufführung gebracht (s. Dmitrieva, 2009, S. 166). Wie sehr der Marburger Neukantianismus für viele junge russische Intellektuelle, die nach Marburg kamen — unter ihnen Boris Pasternak, der sein Leben lang eigentlich Kantianer war — zur Quelle einer engagierten Kulturkritik in Russland wurde, ist mir erst später deutlich geworden.

Zilber: Vielleicht darf ich das Stichwort *Musik* aufgreifen und Sie fragen, inwiefern auch dieser Bereich zu Kants Denkraum gehört.

Stolzenberg: Es mag einigermaßen exotisch klingen, wenn ich nun sage, dass ich unter Bezug auf Kants Theorie des Geschmacksurteils einen historischen Streit über die Art und Weise, wie man über die Schönheit eines Musikstücks auf eine intersubjektiv verantwortliche Weise sprechen kann, sozusagen *ex post* geschlichtet habe (Stolzenberg, 2012). Es handelt sich um den seinerzeit berühmten Streit zwischen Hans Pfitzner und Alban Berg über Robert Schumanns „Träumerei“. Während sich für Pfitzner die Schönheit dieses Stücks allein über das Gefühl erschließt, legte Berg eine detaillierte Analyse der Struktur des Stücks vor, die aus begrifflich definierten Kriterien dessen Schönheit zu begründen suchte. Wer Kants ästhetische Theorie kennt, sieht sogleich, dass es sich hier um die „Antinomie des Geschmacks“ handelt, wobei Pfitzner die These vertritt, dass das Geschmacksurteil sich nur auf einem Gefühl und nicht auf Begriffe gründet, da es sich sonst durch Beweise entscheiden lasse, was aber dem ästhetischen Erleben widerspricht. Berg vertritt hingegen die Antithese, dass das Geschmacksurteil sich doch auf Begriffe gründet, weil sonst der behauptete Anspruch auf intersubjektive Gültigkeit unverständlich ist. Unter Bezug auf Kants Theorie des Geschmacksurteils und mit Blick auf seine Überlegungen zu dem, was eine musikalisch-ästhetische Idee ist, lässt sich eine Vermittlung beider Positionen herstellen.

Zilber: Zum Schluss möchte ich noch auf die Forschungsperspektive zu sprechen kommen, die Sie mit

предписывалось подражание теоретически объективированным эмоциям. На смену этому пониманию музыки пришла идея субъекта, который свои чувства выражает непосредственно в музыке. Пользуясь формулировкой Чарльза Тейлора (Taylor, 1996), это можно назвать экспрессивистским поворотом в культуре Нового времени. Музыка принимала в нем решающее участие. Вот эта эпохальная перемена, ее предпосылки и ее разнообразные последствия в истории музыки Нового времени составляют мой интерес.

А. Зильбер: Профессор Штольценберг, большое вам спасибо за эту беседу¹.

Работа над данной публикацией поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Список литературы

Дмитриева Н. А. Неокантианство немецкое и русское в прошлом, настоящем и будущем // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 165–175.

Дмитриева Н. А. Философия Канта как философия свобода: иная глобализация. Обзор X международного кантовского конгресса // Вопросы философии. 2006. № 8. С. 169–180.

Кант И. К вечному миру // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Ками, 1994. Т. 1. С. 353–477.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 39–275.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. Ч. 1. Метафизические начала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5, ч. 1. М.: Канон-Плюс, 2014.

Фихте И. Г. Рецензия на книгу «Энезидем, или Об основах данной проф. Рейнгольдом в Йене Элементарной философии, вместе с защитой скептицизма от притязаний Критики разума. 1792» // Шеллинг Ф. В. Й. Ранние философские сочинения / пер. с нем., вступ. ст., коммент., примеч. И. Фокина. СПб.: Алетейя, 2000. С. 272–290.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Чернякова. СПб.: НОУ «Высшая религиозно-философская школа», 2001.

Хайдеггер М. Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб.: «Владимир Даль», 2016.

¹ Интервью было взято А. С. Зильбером у Ю. Штольценберга инициативно посредством электронной почты и представлено «Кантовскому сборнику» для эксклюзивной публикации. Поводом для интервью стал 70-летний юбилей профессора Штольценберга.

dem Hinweis auf Ihr Interesse an Fragen der Musikästhetik und der Philosophie der Musik erwähnt haben. Die Schrift, die Sie dazu veröffentlicht haben, trägt den Titel „Seine Ichheit auch in der Musik heraustreiben“ (Stolzenberg, 2011). Was verbirgt sich dahinter, und inwiefern gibt es hier einen Bezug zu Ihren subjektivitätstheoretischen Untersuchungen?

Stolzenberg: Der von Ihnen zitierte Titel ist ein Zitat des Dichters, Journalisten und Musikers Christian Friedrich Daniel Schubart aus seinen *Ideen zu einer Ästhetik der Tonkunst* (1806). Es steht für ein musikästhetisches Programm, das um die Mitte des 18. Jahrhunderts formuliert worden ist und das die Auffassung von Ausdruck in der Musik und die Musik selbst grundlegend verändert hat. An die Stelle der bis dahin der Musik übertragenen Nachahmung von theoretisch objektivierbaren Affekten trat die Idee eines Subjekts, das seine Gefühle in der Musik unmittelbar ausdrückt. Man kann dies mit Charles Taylor (1996) als eine expressivistische Wende in der Kultur der Moderne begreifen. Die Musik hat daran einen ganz entscheidenden Anteil. Diesem epochalen Wandel, seinen Voraussetzungen und seinen vielgestaltigen Folgen in der Geschichte der Musik der Moderne gilt mein Interesse.

Zilber: Herr Prof. Stolzenberg, ich danke Ihnen für dieses Gespräch sehr herzlich.¹

This publication was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

Literatur

Bomski, F. und Stolzenberg, J. hg., 2018. *Genealogien des Geistes und der Natur. Diskurse, Kontexte und Transformationen um 1800*. Göttingen: Wallstein.

Dmitrieva, N. A., 2006. Kant's Philosophy as Philosophy of Freedom: Other Globalisation. *Voprosy Filosofii*, 8, pp. 169-180. (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2009. German and Russian Neo-Kantianism in the Past, Present, and Future. *Voprosy Filosofii*, 3, pp. 165-175. (In Rus.)

Fichte, J. G., 1971. *Eigne Meditationen über Elementar-Philosophie*, in: *Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band II, 3*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, S. 1-266.

Heidegger, M., 1986. *Sein und Zeit*. Tübingen: Niemeyer.

Heidegger, M., 1975. Die Grundprobleme der Phänomenologie. In: *Gesamtausgabe, II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944, Band 24*. Frankfurt a. M.: Klostermann.

¹ Das Interview mit Prof. Dr. Jürgen Stolzenberg wurde von Andrey Zilber in eigener Initiative per E-Mail geführt und exklusiv für die Publikation in *Kantian Journal* zur Verfügung gestellt. Den Anlass zum Interview gab der 70. Geburtstag von Prof. Stolzenberg.

Fichte J. G. *Eigne Meditationen über ElementarPhilosophie // Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 1971. Bd. II, 3. S. 1-266.

Genealogien des Geistes und der Natur. Diskurse, Kontexte und Transformationen um 1800 / Hg. von F. Bowski, J. Stolzenberg. Göttingen : Wallstein, 2018.

Heidegger M. *Gesamtausgabe*. Frankfurt a/M : Vittorio Klostermann, 1985–1995. Bd. 56/57–63.

Kant-Lexikon / Hg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr und S. Bacin : in 3 Bd. Berlin : De Gruyter, 2015.

Stolzenberg J. *Fichtes Begriff der intellektuellen Anschauung. Seine Entwicklung in den Wissenschaftslehren von 1793/94 bis 1801/02*. Stuttgart : Klett-Cotta, 1986.

Stolzenberg J. *Das Selbstbewußtsein einer reinen praktischen Vernunft. Zu den Grundlagen von Kants und Fichtes Theorien des sittlichen Bewußtseins // Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegelkongreß 1987* / Hg. von D. Henrich, R.-P. Horstmann. Stuttgart : Klett-Cotta, 1988. S. 181–208.

Stolzenberg J. *Ursprung und System. Formen der Begründung systematischer Philosophie im Werk Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1995.

Stolzenberg J. *Personalitas moralis. Zu Martin Heideggers Kritik von Kants Theorie des moralischen Bewußtseins // Kant und der Berliner Aufklärung. Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses* / Hg. von V. Gerhardt, R.-P. Horstmann, R. Schumacher. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2001. Bd. 5. S. 609–618.

Stolzenberg J. *Martin Heidegger: Sein und Zeit // Klassische Werke der Philosophie. Von Aristoteles bis Habermas* / Hg. von R. Brandt, T. Sturm. Leipzig : Reclam, 2002. S. 257–284.

Stolzenberg J. *Martin Heidegger liest Fichte // Heideggers Zwiegespräch mit dem deutschen Idealismus* / Hg. von H. Seubert. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2003. S. 77–91.

Stolzenberg J. *Geschichten des Selbstbewusstseins. Fichte – Schelling – Hegel // Gestalten des Bewusstseins. Genealogisches Denken im Kontext Hegels* / Hg. von B. Sandkaulen, V. Gerhardt, W. Jaeschke. Hamburg : Meiner, 2009. S. 27–49.

Stolzenberg J. *„Seine Ichheit auch in der Musik heraustreiben“*. Formen expressiver Subjektivität in der Musik der Moderne. München : Carl Friedrich von Siemens Stiftung, 2011.

Stolzenberg J. *Musik und Subjektivität, oder: Vom Reden über das Musikalisch-Schöne. Ein Versuch mit Blick auf Kant // Vom Sinn des Hörens. Beiträge zur Philosophie der Musik* / Hg. von G. Mohr, J. Kreuzer. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2012. S. 76–95.

Stolzenberg J. *Die Natur der Freiheit // Akten des 12. Internationalen Kant-Kongresses ‚Natur und Freiheit‘ in Wien vom 21.-25. September 2015* / Hg. von V.L. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner. Berlin : De Gruyter, 2018. Bd. 1. S. 563–574. doi:10.1515/9783110467888-041.

Taylor Ch. *Quellen des Selbst. Die Entstehung der neuzeitlichen Identität* / Übers. von J. Schulte. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1996.

Heidegger, M., 1985–1995. *Gesamtausgabe*, Bände 56/57–63. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.

Heidegger, M., 1997. *Der deutsche Idealismus (Fichte, Schelling, Hegel) und die philosophische Problemlage der Gegenwart*. In: *Gesamtausgabe, II. Abteilung: Vorlesungen 1919–1944, Band 28*. Frankfurt a. M.: Klostermann.

Stolzenberg, J., 1986. *Fichtes Begriff der intellektuellen Anschauung. Seine Entwicklung in den Wissenschaftslehren von 1793/94 bis 1801/02*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Stolzenberg, J., 1988. *Das Selbstbewußtsein einer reinen praktischen Vernunft. Zu den Grundlagen von Kants und Fichtes Theorien des sittlichen Bewußtseins*, in: D. Henrich und R.-P. Horstmann, hg. 1988. *Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegelkongreß 1987*. Stuttgart: Klett-Cotta, S. 181-208.

Stolzenberg, J., 1995. *Ursprung und System. Formen der Begründung systematischer Philosophie im Werk Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Stolzenberg, J., 2001. *Personalitas moralis*. Zu Martin Heideggers Kritik von Kants Theorie des moralischen Bewußtseins. In: V. Gerhardt, R.-P. Horstmann und R. Schumacher, hg. 2001. *Kant und der Berliner Aufklärung. Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses, Band 5*. Berlin und New York: de Gruyter, S. 609-618.

Stolzenberg, J., 2002. *Martin Heidegger: Sein und Zeit*. In: R. Brandt und T. Sturm, hg. 2002. *Klassische Werke der Philosophie. Von Aristoteles bis Habermas*. Leipzig: Reclam, S. 257-284.

Stolzenberg, J., 2003. *Martin Heidegger liest Fichte*. In: H. Seubert, hg. 2003. *Heideggers Zwiegespräch mit dem deutschen Idealismus*. Köln, Weimar und Wien: Böhlau, S. 77-91.

Stolzenberg, J., 2009. *Geschichten des Selbstbewusstseins. Fichte – Schelling – Hegel*. In: B. Sandkaulen, V. Gerhardt und W. Jaeschke, hg. 2009. *Gestalten des Bewusstseins. Genealogisches Denken im Kontext Hegels*. Hamburg: Meiner, S. 27-49.

Stolzenberg, J., 2011. *„Seine Ichheit auch in der Musik heraustreiben“*. Formen expressiver Subjektivität in der Musik der Moderne. München: Carl Friedrich von Siemens Stiftung.

Stolzenberg, J., 2012. *Musik und Subjektivität, oder: Vom Reden über das Musikalisch-Schöne. Ein Versuch mit Blick auf Kant*. In: G. Mohr und J. Kreuzer, hg. 2012. *Vom Sinn des Hörens. Beiträge zur Philosophie der Musik*. Würzburg: Königshausen & Neumann, S. 76-95.

Stolzenberg, J., 2018. *Die Natur der Freiheit*. In: V.L. Waibel, M. Ruffing und D. Wagner, hg. 2018. *Akten des 12. Internationalen Kant-Kongresses ‚Natur und Freiheit‘ in Wien vom 21.-25. September 2015, Band 1*. Berlin: De Gruyter, S. 563-574. <https://doi.org/10.1515/9783110467888-041>

Taylor, Ch., 1996. *Quellen des Selbst. Die Entstehung der neuzeitlichen Identität*. Übersetzt von J. Schulte. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Willaschek, M., Stolzenberg, J., Mohr, G. und Bacin, S., hg. 2015. *Kant-Lexikon*. In 3 Bänden. Berlin: De Gruyter.

Об участниках интервью

Юрген Штольценберг — доктор философии, профессор Университета им. Мартина Лютера Галле-Виттенберга, член правления Междисциплинарного центра исследований европейского Просвещения при Университете Галле-Виттенберга, член правления Кантовского общества Германии, член Гёттингенской академии наук (Германия); член Международного научного совета Академии Кантианы БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия.

Андрей Сергеевич Зильбер — младший научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AZilber@kantiana.ru

Для цитирования:

Зильбер А. С. Кантовское пространство мышления: субъективность как принцип. Интервью с профессором Юргеном Штольценбергом // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 3. С. 77–96. doi: 10.5922/0207-6918-2018-3-4

Participants of Interview

Prof. Jürgen Stolzenberg is professor of the Martin Luther University of Halle-Wittenberg, board member of the Interdisciplinary Center for European Enlightenment Studies (IZEA) of the Martin Luther University of Halle-Wittenberg, board member of the *Kant-Gesellschaft*, Fellow of the Göttingen Academy of Sciences (Germany), and member of the International Research Council of the *Academia Kantiana* of the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia).

Andrey S. Zilber, Junior Research Fellow at the *Academia Kantiana*, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: AZilber@kantiana.ru

To cite this article:

Zilber, A. S., 2018. Kants Denkraum: Subjektivität als Prinzip. Interview mit Prof. Dr. Jürgen Stolzenberg. *Kantian Journal*, 37(3), pp. 77-96. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-3-4>